

II. ВОСПОМИНАНИЯ Н. Н. ЛЮБИМОВА

Запись А. И. Ревякина

Николай Николаевич Любимов (1883—1967) сын Николая Алексеевича Любимова (1848—1905), управляющего Щелыковым при жизни Островского. После смерти своего отца он служил 13 лет управляющим у М. В. Островской.

Село Угольское соседствует с усадьбой Щелыково, где летом жил Островский.

Николай Николаевич Любимов, сидя на лавочке во дворе своего дома, неторопливо передает мне то, что слышал от своего отца, от крестьян и других лиц, современников Островского, о его жизни в Щелыкове.

— Как же отзывался об Островском ваш отец, ведь он много лет жил у него приказчиком, знал его характер, привычки?

— Я от своего отца про Александра Николаевича, кроме хорошего, ничего не слышал. Отец шибко хвалил его за все. Папаша говорил, что Александр Николаевич был очень добрый ко всем служащим и рабочим в усадьбе Щелыково.

У меня оставались два собственноручных письма Александра Николаевича к папаше, просьба беречь свое здоровье и заботливые распоряжения по усадьбе.

— А как отзывались крестьяне — современники Островского — о нем?

— Худой памяти он по себе ни у кого не оставил. Шибко жалел крестьян неимущих: давал лесу на избы, дров, а кому, по надобности, и денег на оплату податей или на что-либо иное.

Островский проявлял большую заботу о бедняках и в других местах, будучи гласным при собрании дворян в г. Кинешме, вплоть до критики членов земского собрания.

— Куда же вы дели письма Островского к вашему отцу?

— Их у меня выпросили в библиотеку при городе Иваново-Вознесенске.

Когда открывали эту областную библиотеку, то намечали устроить при ней уголок Островского. Ко мне приезжали из города представители, спрашивали меня, нет ли у меня каких-либо книг и писем.

В первые годы революции много писем пропало у Прасковьи Николаевны Волковой, приближенной Островских. Были письма и во флигеле, да работники сожгли их на самовары.

— А какие места Островский особенно любил?

— Папаша говорил мне, что Александр Николаевич особенно любил посещать «Забывтый уголок», пруд, мельницу, святой ключ, «Стрелку», деревню Высоково, Твердово.

«Забывтый уголок» — это широкая, красивая полянка против лестницы от главного дома к реке. Тут в жаркую пору Александр Николаевич писал пьесы.

Пруд расположен внизу, позади большого дома, правее его. На этом пруду — островок, с которого Островский ловил рыбу.

Мельница работала на два постава. Рядом стояла маслобойка. Чуть повыше мельницы — омут. Вот тут Островский чаще и ловил рыбу. А кругом маслобойки находилось строение, вроде терасы, крытой, с перилами над самой водой. Здесь тоже много водилось рыбы.

«Святой ключ» (Ярилова долина) — ниже мельницы, на правом берегу реки Куекши. Это большая поляна, в углу которой начинается ключ. Источник ключа был обнесен шестигранным срубом, возвышавшимся над землей двумя рядами бревен. Кругом — загородь, в которую входили через калиточку. По рассказам стариков, здесь когда-то, может быть, еще до Островских, была часовня и в ней икона.

На полянке «Святого ключа» в троицын и духов день происходили гулянья. Сюда приезжали торговцы и прямо с телег бойко торговали разными товарами: красным, бакалеей, сладостями.

«Стрелка» располагалась между деревнями Лобаново и Сергеево. Это было возвышенное, привольное, чистое от леса место. Сюда собиралась со всей округи молодежь. С этой горы было видно очень далеко, верст на 5—8. Александр Николаевич приезжал сюда на долгуше, по своей простоте правил лошадьми сам. Интересовался деревенским гуляньем. Приезжали и другие помещики. На «Стрелке» были беседки для сидения (лавочки) и одна большая беседка, крытая — гриб.

На «Стрелке» Островский со всем семейством кушал чай. Он шуточно объяснял своим знакомым, что едет и везет своих цыплят погулять.

Еще более привлекала его гора деревни Высоково, с которой видна половина Кинешемского уезда. Это излюбленное его место. Сюда он выезжал с гостями ловить рыбу неводом. Им помогали крестьяне дер. Высокова и Бужерова. В мою бытность приказчиком у Марьи Васильевны и я один раз ездил с гостями ловить рыбу.

Александр Николаевич обязательно ездил и в село Твердово. Там было гулянье в троицын день. 13 сентября в храмовой праздник воскресения Словущего народ пел песни, водил игры, хороводы. Александр Николаевич записывал песни, наблюдал старину.

— А что вы, Николай Николаевич, помните о библиотеке Островского?

— Ужасно много книг было. Ее в начале революции увезли в Адищево, в народный дом.

В библиотеке очень много было также альбомов с красивыми картинками.

— Николай Николаевич, была ли внизу, за лестницей, какая-либо беседка?

— Была. В мои юные годы я помню ее очень ветхой. После ее поновили. Работал плотник под наблюдением Николая Александровича Островского. Она имела такую же форму, как в верхнем парке, двухэтажная, но много меньше размером и похуже.

— Не слышали ли вы о том, что Островский свои наблюдения о людях щельковских окрестностей использовал в пьесах?

— Прямо не могу сказать. Но тут были в округе разные помещики. Вот я расскажу о соседях Островских — о Белиховой, Молчановой, Сабанеевой и Витове.

Ирина Андреевна Белихова, мелкопоместная дворянка, имела всего одну семью, над которой шибко издевалась.

От моей матери, Александры Васильевны, я слышал такое: Белихова, владелица усадьбы Тимино, послала моего деда Василия, ее крепостного, в г. Кинешму. Он там задержался допоздна, Белихова не выдержала и пошла встречать его на Угольскую гору, тогда уже вымощенную камнем. Показался дед Василий. Кинулась к нему Белихова и строго спросила:

ОСТРОВСКИЙ С ГРУППОЙ АКТЕРОВ

Фотография, 1863 г.

Сидят: Островский и Л. П. Никулина-Косицкая. Стоят (слева направо): Ф. А. Бурдин,
А. А. Нильский, П. Ф. Горбунов, К. Н. Полтавцев

Исторический музей, Москва

— Почему долго?

— Задержался на перевозе через Волгу.

— Ты врешь!

— Нет, не вру!

— Ты пьян! Дохни на меня!

Дед дохнул и видно немного выпил, пахло вином.

Белихова, злая, бросилась на деда, одной рукой схватила его за ворот и бросила броском об мостовую и лежачего начала бить, нажала коленом на шею деда и свихнула ее. Так со свихнутой шеей дед Василий и умер.

Помещица Молчанова из села Покровского заставляла заготавливать дрова, а пил не давала, их у ней не было, приходилось рубить деревья топорами.

У нее была масса кошек, которых она баловала, а своих людей держала в черном теле.

Помещица Сабанеева из села Угольского была такой жадной, что бывало давала своим рабочим только черный хлеб с картошкой в мундире, редко постный суп. А заставляла работать на пашне днем и ночью.

Выходит, по своей части, и он у его... сторож.
И. Горбунов.

И. Ф. ГОРБУНОВ

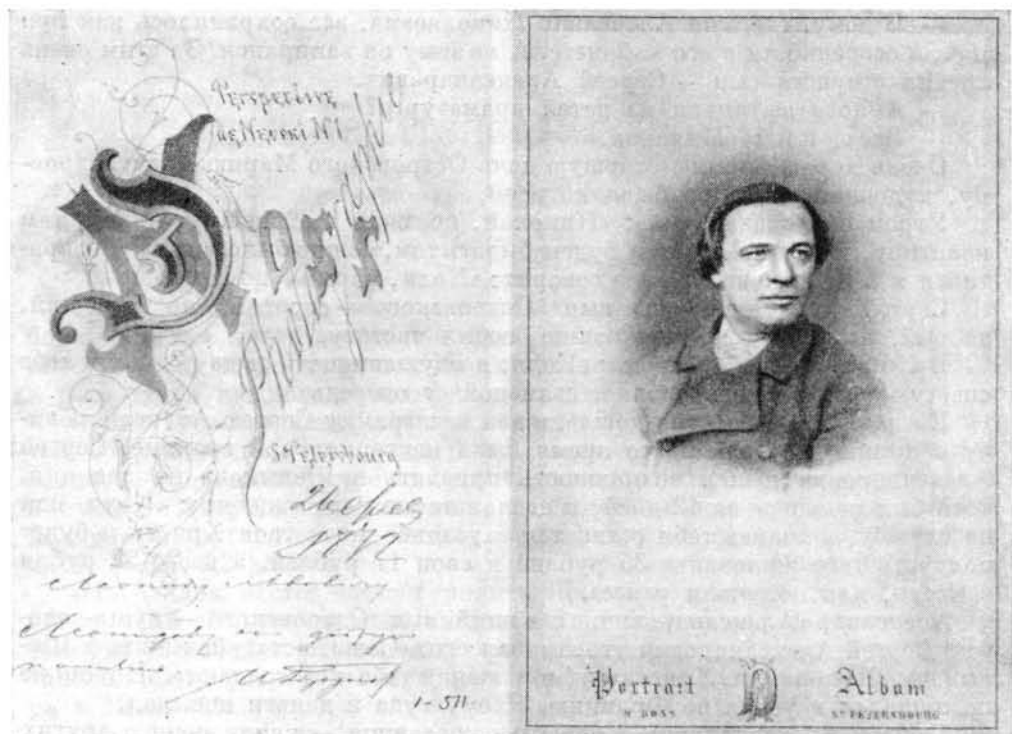
Фотография Н. Досса, Петербург, 1870-е гг. С автографом артиста:
«Выходит, по своей части, и он у его... сторож. И. Горбунов»
Исторический музей, Москва

Я сам у нее работал. Попашешь ночью, рано утром, а в жару едешь домой, так как мухи и слепни не дают работать, лошади заморились, а Сабанеева стоит в воротах и орет, кричит, гонит нас обратно в поле.

Купец Федор Витов, миллионер, так жадно и принудительно вел себя с крестьянами, что требовал с них деньги и за выгон, за клочок травы, за всякую мелочь, даже с сирот.

Сказывают, что хозяин постоянного двора в пьесе «На бойком месте» списан с местного разбойника Титова. Я помню дорожного грабителя Михаила Титова в его старости, когда он воровством и грабежом уж не занимался, а стал портным. Он мне жилетку шил, когда мне было 10 лет.

— А что вы скажете о жене Александра Николаевича, Марье Васильевне?

И. Ф. ГОРБУНОВ

Фотография Н. Досса, Петербург, начало 1870-х гг. С дарственной надписью Л. Л. Леонидову:
 «26 февраля 1872. Леониду Львовичу на добрую память. И. Горбунов»
 Исторический музей, Москва

— Для меня она была хорошая, добрая, но, правда, с прислугой шумела.

Мне случалось слышать, как она давала распоряжения повышенным голосом, в раздражении, в горячем духе. Приходилось видеть ее и на поле, когда там жали рожь и яровые за выгон (т. е. за возможность пасти своих коров на лугах, принадлежащих Островским). Она наблюдала работу и добродушно вела разговор про деревенскую жизнь. А когда замечала, что некоторые женщины были беременны и им работать в наклон трудно, то их снимала и переводила на более легкие работы: в саду, в огороде.

При окончании жатвы, полевых работ, Марья Васильевна заставляла папашу или домашнюю прислугу подносить всем понемногу водки.

При последнем своем отъезде в Москву она, прощаясь со мной, просила меня после ее смерти заменить папу и послужить ее наследникам.

Эту просьбу Марьи Васильевны я выполнил.

— Сколько в усадьбе Щельково при Островском и после его смерти было обслуживающего персонала?

При Островском и Марье Васильевне были: управляющий, семь работников, кучер, конюх, садовник, два лесника, скотник, скотница, кухарка для рабочих, помощница кухарки, прачка. Всего 18 человек.

Имелась также домовая прислуга: повар, помощник повара, горничная к столу, лакей. Всего 4.

— Как охранялся главный дом после смерти Марьи Васильевны?

— В доме, где жил Александр Николаевич, все сохранялось как при нем, в особенности в его кабинете. А на зиму он запирался. За этим очень следил старший сын — Сергей Александрович.

— А кого вы знали из детей драматурга?

— Всех, кроме Михаила.

Очень хорошо помню старшую дочь Островского Марию Александровну, художницу. Добра была ко всем.

Утром она сказала мне: «Николай, поезжай в Кинешму, поищи там квартиру, чтобы нам, когда будем бывать там, можно было жить». Возвратился я в Щелыково, а жена говорит: «Коля, барыня померла».

Сергей Александрович, сын Островского — строгий, но хороший, добрый, не терпел ябед, страшно любил чистоту.

В 1914 г. он мне объяснил: «Коля, я иду защищать свою родину и тебе советую идти беспрекословно, если дойдет очередь».

Когда очередь до меня дошла, я дал телеграмму Сергею Александровичу в армию, которая в это время была на германской границе. Сергей Александрович нашел возможность приехать в Щелыково на два дня, хотя был отпущен на 12 дней, и сделал такое распоряжение: «Коля, иди на службу, а взамен тебя останется в усадьбе жена твоя Христя и будет получать твое жалованье 35 рублей и свои 17 рублей, а всего 52 рубля в месяц, как получали ранее».

Александр Александрович, старший сын Островского — душа-человек. Сергей Александрович уговаривал его: «Саша, оставайся жить в Щелыкове, Николай и Христина (моя жена) тебе все сделают». Но он не послушался и уехал во Францию. Я ему туда и деньги посылал.

Любовь Александровна — писаная красавица — учила меня и других ребят грамоте.

Николай Александрович, младший сын Островского, приезжал в Щелыково с женой Екатериной Александровной.

Однажды меня поразил такой случай. Екатерина Александровна потребовала от меня ключи от сундуков, в которых хранилось спальное и столовое белье, а также от кладовой, где хранилась кухонная и столовая посуда. Потребовала также на все опись. Но при поступлении на службу я принял от Сергея Александровича все вещи без описи. Когда Екатерина Александровна узнала это, то возмутилась и заставила своего мужа, Николая Александровича, все переписать. Приступили к делу. Но в самый разгар приехал Сергей Александрович, узнал о составлении описи и повышенным голосом приказал все приостановить.

— Не смейте делать опись, у Коли без описи все хранится в целости и ничего никогда не пропадало!

Так Сергей Александрович показал, что он доволен моей службой и верностью.

Островский оставил по себе память среди крестьян как на редкость доброжелательный человек.

Его наследники тоже славились добротой.

Таких хозяев-помещиков, как Островские, было мало.

Крестьяне, сравнивая Островских с другими владельцами усадеб, одобряли их, как людей сострадающих бедным, делавших много добра.